

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук факультета международного образования, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт» (Харьков, Украина)
pf-35@mail.ru

О ТРАДИЦИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ У. ФОЛКНЕРА

Рассматриваются традиции творчества Достоевского, оказавшие влияние на художественный мир Фолкнера и его мировоззрение: стремление к познанию широты человеческой нравственной природы, постановка человека в крайние, исключительные обстоятельства, изображение его в состоянии нравственного поиска, напряженной внутренней борьбы с самим собой, всепроникающий психологизм с использованием потока сознания при передаче духовной жизни персонажей. Прослеживаются биографические параллели Достоевского и Фолкнера, делается вывод о сопоставимости морально-нравственных идеалов русского и американского классиков.

Ключевые слова: Достоевский, Фолкнер, сопоставительный анализ творчества, писательские традиции, мастерство писателя, поток сознания, биографические параллели, морально-нравственный идеал

Известный литературовед и литературный критик, автор исследований по американской литературе Н. Анастасьев в своей книге о Фолкнере отмечал: «Страдание, мука – эти слова, если составить частотный словарь фолкнеровского языка, наверняка займут две первые позиции. <...> В этих словах <...> слышится время <...> время гигантских потрясений мира, время таких испытаний, каких раньше не было. Слышится и литература – голос писателя, угадавшего будущие катастрофы и потому оказавшего столь сильное воздействие на художественное сознание XX века. Это, конечно, Достоевский» [1; 146].

Выдающийся американский писатель Уильям Фолкнер, отличительными чертами которого всегда были творческая самостоятельность, самобытность, упорство в поиске собственного пути в литературе, стал художником мировой величины, безусловно, усваивая многие достижения, накопленные в творчестве предшественников.

Будучи «гениальным читателем» (это определение А. Бема [5], высказанное о Достоевском, можно, несомненно, отнести и к Фолкнеру), он учился единству и монументальности художественного плана у Бальзака, восхищался безукоризненным мастерством Флобера и мощью творческого дерзания Мелвилла, однако особые чувства испытывал именно к произведениям Достоевского, высказывая надежду на то, что своим творчеством заслужил право на духовное с ним родство.

О несомненном влиянии, оказанном творческим наследием Достоевского на художественный мир Фолкнера, его мировоззрение, американские исследователи стали говорить начиная с 30-х годов XX века.

В частности, уже после выхода в свет романа Фолкнера «Сарторис» – его первого, настоящего зрелого произведения – в одном из

критических откликов отмечалось: «Как и в романах Достоевского, которым работа мистера Фолкнера наиболее близка, несчастья, унижения и героизм, проявленный его героями, становятся больше их самих, становятся символами “слепой трагедии житейской обыденности”... (перевод наш. – Ю. Р.)» [17; 126].

С появлением в 1931 году романа «Святылище» ссылки на присутствие идейной проблематики творчества Достоевского в фолкнеровском художественном мире получили дальнейшее развитие. Так, Д. Чемберлен, автор статьи под названием «Тень Достоевского на глубоком Юге», указывал на то, что «Святылище» более близко «Братьям Карамазовым», чем какой-либо американской книге [15; 5].

Для исследователей творчества американского писателя влияние Достоевского на художественную вселенную Фолкнера стало очевидным. Общеизвестно, что в его личной библиотеке имелись различные издания книг русского писателя, да и сам Фолкнер в ответ на вопрос о том, что он думает о Достоевском, прямо заявил: «Он не только сильно повлиял на меня – я получаю огромное удовольствие, постоянно перечитывая его, я перечитываю его примерно каждый год. Его мастерство, проникновение в человеческую душу, способность к состраданию делают его писателем, к которому хотели бы приблизиться многие, если бы могли. Он был одним из тех, кто оставил неизгладимый след» [14; 289].

В рамках сопоставительного анализа творчества Достоевского и Фолкнера, представленного трудами Н. Анастасьева, Б. Грибанова, В. Костякова, А. Николюкина, Ю. Сохрякова, К. Степаняна, Э. Брикера, Д. Вейсгерберера, А. Герарда, Х.-Ю. Герика, Д. Келлога, И. Кирк, А. Писани, П. Рабиновича, Д. Смита и др. (об основных направлениях сопоставительного анализа твор-

чества русского и американского классиков см. [10]), изучению традиций Достоевского в художественном мире Фолкнера отводится в целом значительное место, что подтверждается также и работами последних лет. В частности, К. Степанян, исследовавший не только творчество Фолкнера, но и произведения таких крупнейших прозаиков XX века, как И. Шмелев, Б. Пастернак, А. Солженицын, отмечает: «Лишь Фолкнер более других из этих писателей приближается к творческим принципам Достоевского...» [12; 396]; американский исследователь Б. Сакстон в диссертации, посвященной анализу «южного гротеска», рассматривая творчество Достоевского в качестве одного из источников данного феномена и отмечая его влияние на писателей-южан в целом, ссылаясь на мнение о том, что Фолкнер – это Достоевский американского Юга [16; 2]; по мнению А. Банах-Маникиной: «Анализ рецепции Фолкнером романа “Братья Карамазовы” и реализации семейной проблематики в романе Фолкнера “Авессалом, Авессалом!” позволяет с достаточной степенью уверенности говорить о созданной американским писателем модели, типологически сходной со “случайным семейством” Достоевского, условно названной нами “разрушенным южным семейством”» [3; 19].

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на основе сопоставительного анализа творческих принципов русского и американского классиков уточнить существующее представление о реализации писательских традиций Достоевского в творчестве Фолкнера и расширить его.

В качестве отправной точки для данного исследования может служить суждение о Достоевском как о «мыслителе, посещаемом Богом и Сатаной, апостоле страдания и свободы (перевод наш. – Ю. Р.)», высказанное в известной книге Вейсгербера [18; XII].

Данная мысль открывает путь к пониманию вопроса о традициях Достоевского в творчестве Фолкнера, указывает на важнейшую из них. Как и характеры Достоевского, герои Фолкнера заключают в себе необъятную «широкость» (о которой Дмитрий Карамазов говорил, что он бы ее «сузил»¹), вмещающую и «идеал содомский», и «идеал Мадонны» (14; 100). По мысли Ю. Сохрякова, Достоевский ввел в свои романы «множественность точек зрения», что «позволило писателю выразить новый взгляд на человека как существо, которое стремится осмыслить себя в мире, осмыслить свое отношение к миру», и именно эти мотивы развивал в своем творчестве Фолкнер, чьи герои «мучительно и сложно размышляют о самих себе и о мире, каждый из них пытается осмыслить самого себя, разрушить скорлупу своего одиночества и найти путь к людям» (в качестве примера исследователь указывает на образ идиота Бенджи из романа «Шум и ярость», которого нередко сравнивают с князем

Мышкиным) [11; 151]; «исследуя внутренний мир и глубинные пласты психологии таких своих героев, как Кристмас, Минк Сноупс и др., Фолкнер вслед за Достоевским показывает, что своеволие и насилие могут проявлять не только сильные мира сего, но и задавленные нуждой бедняки», способные проявлять «“своеволие”, “самостоятельное хотение”», и «характерен в этом отношении не только Кристмас, но и Минк Сноупс <...> который является одним из вариантов “человека из подполья”» [11; 152]. Таким образом, поиски нравственного предела, попытки измерить человеческую «широкость» – вот путь художественного освоения действительности, который проходит в своих произведениях, вслед за Достоевским, Фолкнер.

Отсюда вытекает другая традиция русского классика, которая прослеживается в творчестве американского писателя: в своем стремлении постичь пределы человеческой «широкости» Фолкнер, как и Достоевский, помещает своих героев в предельно крайние, часто пограничные состояния, нередко обнажающие темные проявления человеческого духа. Н. Анастасьев указывает на то, что «вслед за Достоевским американский писатель считал изображение человеческого сердца в конфликте с самим собой главной задачей художника», при этом человек Фолкнера подобно человеку Достоевского постоянно ставится «в крайние, невыносимые обстоятельства», чтобы он «вполне по-достоевски <...> доказывал само-му себе, что он человек» [1; 146].

Интересно, что и сам Достоевский отмечал важность данного творческого принципа. Например, в своем предисловии, посвященном публикации в журнале «Время» трех рассказов Эдгара По, он говорит о том, как американский писатель «почти всегда берет самую исключительную действительность, ставит своего героя в самое исключительное внешнее или психологическое положение» и восхищается тем, «с какою силою пронизательности, с какою поражающей верностью рассказывает он о состоянии души этого человека!» (19; 88).

Фолкнер, поясняя, почему в его произведениях так много места занимает изображение темных сторон жизни, низменных проявлений человеческой природы, говорил о том, что делал это с целью «подсказывать человеку веру в то, что человек может быть лучше, чем он есть» (цит. по: [6; 4]). Писатель, по Фолкнеру, не должен быть простым «регистратором» человеческих деяний. «Ответственность писателя, – утверждал Фолкнер, – в том, чтобы рассказывать правду – рассказывать ее так, чтобы люди читали, помнили о ней, потому что она рассказана незабываемым образом. Просто сообщить факт, просто рассказать о несправедливости иногда недостаточно. Это не трогает людей. Писатель должен добавить к этому свой талант, он должен взять эту правду

и поджечь под ней пламя, так чтобы люди запомнили ее» (цит. по: [6; 3–4]). Таким образом, в поисках пределов человеческой «широкости», ставя своих персонажей в пограничные состояния, Фолкнер указывал читателю путь, чтобы «быть лучше».

Нельзя не отметить еще одну традицию Достоевского, которая, будучи общепризнанной, вместе с тем является его отличительной чертой как художника, чертой, к которой, по уже упомянутым словам Фолкнера, «хотели бы приблизиться многие, если бы могли» [14; 289]. Необходимо сказать о всепроницающем психологизме русского писателя, его мастерстве и несравненном умении проникать в самые сокровенные тайники человеческой души. Примером того, сколь потрясюще глубоко писатель проникал в характеры своих героев, могут служить знаменитые слова человека из «подполья»: «Есть в воспоминаниях всякого человека такие вещи, которые он открывает не всем, а разве только друзьям. Есть и такие, которые он и друзьям не открывает, а разве только себе самому, да и то под секретом. Но есть, наконец, и такие, которые даже и себе человек открывать боится, и таких вещей у всякого порядочного человека довольно-таки накопится. <...> Теперь же <...> теперь я именно хочу испытать: можно ли хоть с самим собой совершенно быть откровенным и не побояться всей правды?» (5; 122).

Достоевский, добиваясь исключительного психологизма в изображении духовной жизни своих персонажей, использовал различные «словесные приемы», среди которых важное место занимают небывалые по остроте и накалу «словесные турниры» [8]. К таковым принадлежат напряженные, полные драматизма диалоги следователя Порфирия Петровича и Раскольникова в романе «Преступление и наказание». Достоевский нередко сопровождает их авторскими ремарками, отчетливо передавая динамику психологического состояния героев: «— Так... кто же... убил?... — спросил он, *не выдержав, задыхающимся голосом*. <...> — Как кто убил?... — переговорил он, точно *не веря ушам своим*, — да вы убили, Родион Романыч! Вы и убили-с... — прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом (ремарки выделены нами. — Ю. Р.)» (6; 349).

Следует отметить: в зарубежных исследованиях Достоевского часто называют отцом модернизма не только из-за проблематики его творчества (например, повесть «Записки из подполья» оценивается как лучшее введение в экзистенциализм, когда-либо написанное), но и, очевидно, из-за присутствия потока сознания в его произведениях. Вот как (потоком сознания) передает Достоевский ощущения Раскольникова после сказанной ему незнакомым мещанином фразы: «Ты убийца» (6; 209): «Он ни о чем не думал. Так, были какие-то мысли или обрывки

мыслей, какие-то представления, без порядка и связи, — лица людей, виденных им еще в детстве или встреченных где-нибудь один только раз и об которых он никогда бы и не вспомнил; колокольня В-й церкви; бильярд в одном трактире и какой-то офицер у бильярда, запах сигар в какой-то подвальной табачной лавочке, распивочная, черная лестница, совсем темная, вся залитая помоями и засыпанная яичными скорлупами, а откуда-то доносится воскресный звон колоколов...» (6; 210).

Что касается Фолкнера, то его стиль, по собственному признанию писателя, вполне соответствовал духу «современных экспериментов в технике романного повествования» [14; 121]. Однако, объясняя использование потока сознания в своих романах, например в «Шуме и ярости», Фолкнер отрицает влияние модернистов. В то же время можно констатировать: подобно тому, как это делал Достоевский, американский писатель в потоках сознания своих персонажей отображал чувства, мысли, представления, мельчайшие ощущения, транслируемые сквозь призму восприятия каждого из (словами М. Бахтина) «самостоятельных и неслиянных <...> сознаний» [4; 7].

Весьма показателен в этом смысле роман «Шум и ярость», когда одна и та же «история» воспроизводится от лица каждого из трех братьев-рассказчиков (три первые части романа), и кроме того — в традиционном авторском изложении (четвертая часть). При этом первые две части (рассказы Бенджи и Квентина) снабжены курсивом, обозначающим те места в тексте, где в потоке сознания прошлое перемежается с настоящим. Такие тексты, рассчитанные на эффект полного погружения в сознание персонажей, как нельзя лучше передают их внутренний мир. Следует отметить, что психологизм в изображении героев достигается также и за счет того, что посредством потока сознания осуществляется передача их непосредственных ощущений, — вне зависимости от общей концепции временной соотносительности, постулируемой в романе. Вот, например, как изображена психологическая привязанность идиота Бенджи к своей сестре Кэдди в пору его счастья: «Кэдди присела, обняла меня, прижалась ярким, холодным лицом к моему. Она пахла деревьями (выделено нами. — Ю. Р.)» [13; 11].

Говоря об отражении писательских традиций Достоевского в творчестве Фолкнера, следует отметить, что разговор о них, несомненно, может и должен быть продолжен, и здесь существует обширное поле для исследований, тем более что есть факты поистине удивительного параллелизма в их человеческих судьбах.

Например, Н. Анастасьев указывает на то, что был период в начале и середине 30-х годов, когда в творчестве Фолкнера отдельные критики видели только изображение пороков, насилия, же-

стокости; статья влиятельного в те годы критика А. Томпсона так и называлась – «Кульм жестоко-сти» [2; 22]. Напомним, что сходное восприятие творчества Достоевского отражал Н. Михайловский со своей известной статьей «Жестокий талант».

Как и Достоевский, Фолкнер многие годы испытывал денежные затруднения; как и Достоевский, он пережил смерть брата и взял на себя финансовую ответственность за его семью; как и русскому классику, ему довелось познать горе утраты ребенка (эта трагическая тема стало предметом исследования Ф. Форэ, автора книги «Детоубийственный роман: Достоевский, Фолкнер, Камю. Литературно-траурное эссе», вышедшей не так давно [9]).

Фолкнер стал писателем мировой величины, впитывая достижения, накопленные развитием мировой литературы. Трудно переоценить в этом смысле то глубочайшее влияние, которое оказала на него русская классика, и в особенности творчество великого русского писателя Достоевского.

Писательские традиции Достоевского, нашедшие свое отражение в творчестве Фолкнера, такие как стремление к познанию предела человеческой нравственной «широкости», обостренное внимание к личности, изображаемой на духовном изломе, мучительный поиск истины, а также факты параллелизма в их писательских судьбах в значительной степени обуславливают

и морально-нравственные идеалы американского писателя, которые, при сравнении с таковыми у Достоевского, оказываются сопоставимыми.

Высшим нравственным идеалом Достоевского было «самопожертвование» – «самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех <...> положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер» (5; 79). Как отмечает В. Захаров: «Позже эта идея была выражена в служении и поучениях старца Зосимы: сделать себя ответчиком за чужой грех. Винаваты все. У каждого своя мера вины. <...> Кажущаяся невиновность лишь иллюзия: каждый в ответе за мировое зло» [7; 35].

Фолкнер, которому принадлежит сходная мысль о том, что «человек не остров, каждый несет ответственность перед человечеством» [14; 446], непоколебимо верил в то, что человек, несмотря на окружающее его зло, на страх в нем самом, «не просто выстоит, он восторжествует», потому что «человек способен на сострадание, жертвы, непреклонность» [14; 30].

Творчество обоих писателей можно без колебаний назвать упорным поиском истины, страстной проповедью высшей человеческой нравственности на земле, для осуществления которой самое дорогое у человека – его внутренняя самость – должна быть обращена к обществу, всецело посвящена людям.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 100. Далее тексты Достоевского цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анастасьев Н. А. Владелец Йокнапатофы (Уильям Фолкнер). М.: Книга, 1991. 416 с.
2. Анастасьев Н. А. Фолкнер. Очерк творчества. М.: Худож. лит., 1976. 221 с.
3. Банах-Маникина А. В. Тема «случайного семейства» в творчестве Ф. М. Достоевского и ее рецепция в США: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 25 с.
4. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост, 1994. 176 с.
5. Бем А. Л. Достоевский – гениальный читатель // Вокруг Достоевского: В 2 т. Т. 1: О Достоевском: Сб. статей под ред. А. Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Магидовой. М.: Русский путь, 2007. С. 206–218.
6. Грибанов Б. Т. Уильям Фолкнер – хозяин Йокнапатофы // Фолкнер У. Рассказы. Минск: Вышэйшая школа, 1985. С. 3–14.
7. Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
8. Лобов Л. П. Из наблюдений над словесными приемами Достоевского. Пермь: Офис, 1927. 13 с.
9. Печальная тема накануне праздника [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sapranau.livejournal.com/35825.html>
10. Романов Ю. А. Сопоставительный анализ творчества Ф. М. Достоевского и У. Фолкнера: возможные направления изучения и перспективы архетипного подхода в исследовании // Материалы докладов междунар. научно-практ. конф. «Вторые севастопольские кирилло-мефодиевские чтения». Севастополь: Рибэст, 2008. С. 413–419.
11. Сохряков Ю. И. Традиции Достоевского в восприятии Т. Вулфа, У. Фолкнера и Д. Стейнбека // Достоевский. Материалы и исследования / Ред. Г. М. Фридендер. Л.: Наука, 1980. Вып. 4. С. 144–158.
12. Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010. 400 с.
13. Фолкнер У. Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. 576 с.
14. Фолкнер У. Статьи, речи, интервью, письма. М.: Радуга, 1985. 488 с.
15. Chapple R. L. Character Parallels in Crime and Punishment and Sanctuary // Germano-Slavica. A Canadian Journal of Germanic and Slavic Comparative Studies. 1976/78. Bd. 2. P. 5–14.
16. Saxton B. T. Grotesque Subjects: Dostoevsky and Modern Southern Fiction, 1930–1960. Ann Arbor, 2012. 205 p.
17. The Whole and the Parts // Critical Essays on William Faulkner: The Sartoris Family / Ed. by A. F. Kinney. Boston: G. K. Hall & Co., 1985. P. 126–127.
18. Weisgerber J. Faulkner and Dostoevsky: Influence and Confluence. Athens: Ohio Univ. Press, 1974. XXII. 383 p.

Romanov Yu. A., National Technical University, "Kharkov Polytechnic Institute" (Kharkov, Ukraine)

ON F. M. DOSTOEVSKY'S TRADITIONS IN W. FAULKNER'S WORKS

The article focuses on the traditions of Dostoevsky's works, which influenced both W. Faulkner's worldview and his artistic world: a desire to explore the depth of the human moral nature by placing a man into extreme and exceptional circumstances; description of a man in a state of moral search, intense internal struggle with himself; employment of pervasive psychology based on the "stream of consciousness" reflecting the process of characters' spiritual life transition. Biographical parallels in the lives of Dostoevsky and Faulkner are identified. Conclusions on the comparability of moral ideals of the Russian and American classics are made.

Key words: Dostoevsky, Faulkner, comparative studies, literary tradition, craftsmanship of the writer, "stream of consciousness", biographical parallels, moral and ethical ideal

REFERENCES

1. Anastas'ev N. A. *Vladelets Yoknapatofy (Uil'yam Folkner)* [The Owner of Yoknapatawpha (William Faulkner)]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 416 p.
2. Anastas'ev N. A. *Folkner. Ocherk tvorchestva* [Faulkner. Digest of Works]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1976. 221 p.
3. Banakh-Manikina A. V. Tema "sluchaynogo semeystva" v tvorchestve F. M. Dostoevskogo i ee retseptsiya v SShA: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [The Theme of "Accidental Family" in the Works of F. M. Dostoevsky and its Reception in the USA. Author's abstract of PhD thesis in Philology]. Tomsk, 2006. 25 p.
4. Bakhtin M. M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [The Problems of Dostoevsky's Works]. Moscow, Alkonost Publ., 1994. 176 p.
5. Bem A. L. Dostoevsky – an Ingenious Reader [Dostoevskiy – genial'nyy chitatel']. *Vokrug Dostoevskogo: V 2 t. T. 1: O Dostoevskom: Sb. statey pod red. A. L. Bema / Sost., vstup. st. i komment. M. Magidovoy* [Around Dostoevsky: In 2 Volumes. Vol. 1: About Dostoevsky: Collection of articles ed. by A. L. Bem. Compil., introd. and comment. by M. Magidova]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2007. P. 206–218.
6. Griбанov B. T. William Faulkner – the Master of Yoknapatawpha [Uil'yam Folkner – khozyain Yoknapatofy]. *Folkner U. Rasskazy* [Faulkner W. Stories]. Minsk, Higher School Publ., 1985. P. 3–14.
7. Zakharov V. N. *Imya avtora – Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The Author's Name is Dostoevsky. Digest of Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p.
8. Lobov L. P. *Iz nablyudeniya nad slovesnymi priemami Dostoevskogo* [From the Observations on Dostoevsky's Verbal Techniques]. Perm, Ofyas Publ., 1927. 13 p.
9. *Pechal'naya tema nakanune prazdnika* [The Sad Topic on the Eve of the Holiday]. Available at: <http://sapronau.livejournal.com/35825.html>
10. Romanov Yu. A. The Comparative Analysis of Works of F. M. Dostoevsky and W. Faulkner: Possible Research Areas and Perspectives of Archetypal Approach in the Research [Sopostavitel'nyy analiz tvorchestva F. M. Dostoevskogo i U. Folknera: vozmozhnye napravleniya izucheniya i perspektivy arkhypnogo podkhoda v issledovanii]. *Materialy dokladov mezhdunar. nauchno-prakt. konf. "Vtorye sevastopol'skie kirillo-mefodievske chteniya"* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conf. "The Second Sevastopol Cyril and Methodius Readings"]. Sevastopol, Ribest Publ., 2008. P. 413–419.
11. Sokhryakov Yu. I. Traditions of Dostoevsky in the Perception of T. Wolfe, W. Faulkner and D. Steinbeck [Traditsii Dostoevskogo v vospriyatii T. Vulfa, U. Folknera i D. Steynbeka]. *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya / Red. G. M. Fridlender* [Dostoevsky. Materials and Researches / Ed. by G. M. Friedlander]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. Issue 4. P. 144–158.
12. Stepanyan K. A. *Yavlenie i dialog v romanakh F. M. Dostoevskogo* [The Appearance of Christ the Dialogue in the Novels of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2010. 400 p.
13. Folkner U. *Sobranie sochineniy: V 9 t. T. 2* [Complete Works: In 8 vol. Vol. 3]. Moscow, TERRA – Knizhnyy klub Publ., 2001. 576 p.
14. Folkner U. *Stat'i, rechi, interv'y, pis'ma* [Articles, Speeches, Interviews, Letters]. Moscow, Raduga Publ., 1985. 488 p.
15. Chapple R. L. Character Parallels in Crime and Punishment and Sanctuary // *Germano-Slavica. A Canadian Journal of Germanic and Slavic Comparative Studies*. 1976/78. Bd. 2. P. 5–14.
16. Saxton B. T. Grotesque Subjects: Dostoevsky and Modern Southern Fiction, 1930–1960. Ann Arbor, 2012. 205 p.
17. The Whole and the Parts // *Critical Essays on William Faulkner: The Sartoris Family* / Ed. by A. F. Kinney. Boston: G. K. Hall & Co., 1985. P. 126–127.
18. Weisgerber J. Faulkner and Dostoevsky: Influence and Confluence. Athens: Ohio Univ. Press, 1974. XXII. 383 p.

Поступила в редакцию 05.04.2015